

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-88-105

## **ЭТО СЛАДКОЕ СЛОВО — “СВОБОДА” (О постановке проблемы свободы в итальянской политической мысли XX в.)**

**С.Ю. Соколова**, канд. философ. наук, доц. кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ “Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых”, г. Владимир, ул. Горького, 87, Российская Федерация, 600000\*

*Человек из века в век пытался определить степень своей независимости от внешних обстоятельств. И всякий раз он оказывался перед фактом, что изменившийся мир по-новому ставит вопрос о свободе. Как-то так вышло, что все исторически важные баталии XX в. можно свести к противостоянию по вопросу о том, что значит быть свободным. Рационалистическое осмысление человеческой жизни, господствовавшее в предшествующие несколько столетий, породило иллюзию, что мир можно хорошо организовать, если правильно объяснить его устройство. Практика показала, что не все так просто и рационалистический подход, предлагающий рассматривать свободу как познанную необходимость, не позволяет освободить и осчастливить человечество. Господствующие в обществе статистические законы порождают такое множество проявлений необходимости, что порой на ум приходит мысль, что в общественной жизни нет ничего, кроме случайности. Распад Советского Союза, а вместе с ним и разрыв привычных связей и дисбаланс социально-политических сил заставили европейцев искать варианты сохранения собственной культурной идентичности. Нарушение идеологического равновесия как результат падения интереса людей к коммунизму создает ситуацию, при которой только религиозное сознание может стать опорой современному растерянному человеку. Правда, у этого обстоятельства есть и другая сторона: бегство в иллюзорный мир мыслей, в область мнимой свободы. Сегодня, в начале третьего тысячелетия, мы вынуждены признать, что столь же далеки от окончательного решения проблемы свободы, как и мыслители прошлых веков.*

**Ключевые слова:** свобода, рационализм, личность, гарантии, права, социальная неоднородность, правила игры, демократия.

## **THIS SWEET WORD “FREEDOM” (On the formulation of the problem of freedom in the Italian political thought in the twentieth century)**

**Sokolova Svetlana Yu.**, candidate of philosophy, associate Professor of Vladimir state University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs, Department of journalism, advertising and public relations, Vladimir, Gorkogo st., 87, 600000, e-mail: svetlanasokolova@inbox.ru

---

\* Соколова Светлана Юрьевна, e-mail: svetlanasokolova@inbox.ru

*People from century to century tried to determine the degree of its independence from external circumstances. And every time he found himself in front of a fact that changed the world raises the question of freedom in new ways. All the historically important battles of the twentieth century can be reduced to a confrontation over what it means to be free. The rationalistic understanding of human life that prevailed in the previous few centuries gave rise to the illusion that the world can be well organized if its structure is properly explained. Practice has shown that not everything is so simple and a rationalistic approach that suggests considering freedom as a known necessity does not allow us to liberate and make humanity happy. The statistical laws prevailing in society give rise to so many manifestations of necessity that it sometimes occurs to us that there is nothing in social life but chance. The collapse of the Soviet Union, and the usual gap relationships and the imbalance of social and political forces have forced the Europeans to search for ways to preserve their own cultural identity. Violation of ideological balance as a result of the falling interest of people towards communism creates a situation in which only the religious consciousness can become a pillar of modern embarrassed man. However, in this circumstance, there is another side: the flight into the illusory world of thoughts, in the area of supposed freedom. Today in the beginning of the third Millennium, we have to admit that so far from the final solution to the problem of freedom as thinkers of the past centuries.*

**Key words:** *freedom, rationalism, the personality, the rights, guarantees, social heterogeneity, the rules of the game, democracy.*

Особенность прошлого века заключается в том, что в этот период человечество испытывало себя на прочность по всем направлениям: в экономике, науке, политике, военном искусстве, вере в бога и в атеизме. Но как-то так вышло, что все исторически важные баталии XX в. можно свести к противостоянию по вопросу о том, что значит быть свободным. Рационалистическое осмысление человеческой жизни, господствовавшее в предшествующие несколько столетий, породило иллюзию, что мир можно хорошо организовать, если правильно объяснить его устройство. Практика показала, что не все так просто и рационалистический подход, предлагающий рассматривать свободу как познанную необходимость, не позволяет освободить и осчастливить человечество. Господствующие в обществе статистические законы порождают такое множество проявлений необходимости, что порой на ум приходит мысль, что в общественной жизни нет ничего, кроме случайности. Среди причин неудач в достижении великой цели — «неясность и путаница в вопросе о природе истинной свободы. Если враждебные интересы нанесли свободе огромный ущерб, то еще больший вред нанесли ей ложные идеи, и ее прогресс в той же степени запечатлен в росте знания, как и в совершенствовании законов»<sup>1</sup>.

Свобода относится к тем немногим идеям, во имя которых совершались героизма и неслыханные преступления. Под знаменем

---

<sup>1</sup> Актон Дж. История свободы в античности // Политические исследования. 1993. № 3. С. 108–109.

свободы уничтожались тысячи людей и создавались демократические общественные системы. “Во все века прогресс свободы тормозился ее естественными врагами — невежеством и предрассудками, страстью к завоеваниям и любовью к праздности, стремлением к власти, характерным для сильных, и жаждой хлеба, присущей бедным. Нередко она бывала под полным запретом, — когда народы освобождались от варварства и завоевателей, а постоянная борьба за существование, лишая людей всякого интереса и понимания политики, заставляла их охотно продавать свое первородство за чечевичную похлебку, не осознавая, от какого сокровища они отказываются”<sup>2</sup>.

Если ретроспективно посмотреть на развитие понимания свободы в прошлом веке в итальянской политической мысли, можно выделить три последовательных варианта: с позиции силы, с точки зрения демократии, этическая трактовка. Если персонифицировать эти варианты, то получится: Б. Кроче, Н. Боббио, Л. Парейсон. Вариативность определялась как тенденциями общественного развития в Италии, так и характером теоретических проблем, волновавших итальянских интеллектуалов в тот или иной период.

В начале XX в. в Италии оставались нерешенными важные проблемы социально-экономического и политического развития страны, в частности, вопрос Севера и Юга (неравномерность развития), “римский вопрос” (территориальные претензии католической церкви), несовершенство политической системы и другие. Новым временам требовались новые люди. Как писал в 1907 г. знаменитый итальянский поэт Г. Д’Аннунцио: “Сегодня человек придает себе самому новый вид бессмертия... Поэт чувствует, что человек — сам себе Прометей и Христос”<sup>3</sup>.

В этих условиях доминирующей оказалась идея силы, с позиции которой объясняли перспективы развития общества разные политические теории от консерватизма до анархосиндикализма.

Самым авторитетным интеллектуалом в Италии первой половины XX в. был Бенедетто Кроче — критик, философ-неогегельянец, политик, историк, теоретик мирового уровня. В 1910 г. избран сенатором, в 1920–1921 гг. был министром просвещения в правительстве Дж. Джолитти, даже разработал школьную реформу, но осуществлять ее не стал из-за смены политического курса в стране. После падения фашизма на некоторое время возглавил восстановленную Итальянскую либеральную партию.

Фактически придерживаясь либеральных взглядов, Б. Кроче тем не менее высоко ценил роль государства в общественной жизни и

---

<sup>2</sup> Актон Дж. Указ. соч. С. 108.

<sup>3</sup> D’Annunzio G. Per l’Italia degli italiani. Milano, 1923. P. 6.

выступил против концепции отмирания государства, утверждая, что без государства не может быть свободы, абсолютно разделяя на этот счет позицию Гегеля: “Государство есть действительность нравственной идеи — нравственный дух как **очевидная**, самой себе ясная, субстанциальная воля, которая мыслит и знает себя и выполняет то, что она знает и поскольку она это знает. В **правах** она имеет свое непосредственное существование, а в **самосознании** единичного человека, его знания и деятельности — свое опосредованное существование, равно как самосознание единичного человека посредством умонастроения имеет в нем как в своей сущности, цели и продукте своей деятельности свою **субстанциальную свободу**”<sup>4</sup>. Являясь родовым качеством человеческого сознания, свобода в обыденной жизни проявляет себя как “формальная, объективная свобода”. Это означает, что индивиды имеют свое собственное суждение или мнение по поводу общественно значимых тем, но выражают это собственное суждение совместно, т.е., в виде общественного мнения. Общественное мнение не является простой совокупностью индивидуальных суждений и оценок, фактически это новый объект со своими специфическими характеристиками<sup>5</sup>. Невозможность свести общественное мнение к простой совокупности индивидуальных суждений обеспечивает существование индивидуальной свободы в любых политических режимах, включая полицейские. В то же время, общественное мнение позволяет государству вести учет настроений населения и на его основе принимать и реализовывать грамотные управленческие решения. Таким образом, по Гегелю, общественное мнение может быть индикатором уровня развития как общества, так и государства.

Неразрывная связь между государством и свободой индивида по-гегелевски привлекла внимание Б. Кроче, но он интерпретировал эту идею по-своему. Считая себя учеником Гегеля, он все-таки критически отнесся к идее абсолютного значения государства в жизни людей, и это не мешало его либеральным взглядам. “У Гегеля было широкое, строгое и глубокое восприятие моральной жизни, однако немецкий темперамент, не столько политический, сколько верноподданический, привязал его к мысли, что прусское государство достигло совершенства в политическом искусстве”<sup>6</sup>. За приверженность прусской монархии величайшего философа Германии критиковали и до Кроче и после. Например, английский математик и философ Б. Рассел следующим образом оценил гегелевскую трак-

---

<sup>4</sup> Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 279.

<sup>5</sup> См. подробнее: Там же. С. 352.

<sup>6</sup> Кроче Б. Антология сочинений по философии. СПб., 1999. С. 8.



товку свободы: «Гегель, который многим обязан Руссо, принял его неправильное употребление слова “свобода” и определил его как право подчиняться полиции или что-то в этом роде»<sup>7</sup>. Но неприятие гегелевской оценки значения прусской монархии как вершины в развитии общества не препятствовало самому Кроче намертво привязать свободу к государству.

Соглашаясь с идеей о том, что свобода не может существовать без прав, законов и конституции, итальянский философ предлагает обосновывать их неразделимость с точки зрения органической связи. Все, что в обществе представляет момент силы (*il momento della forza*) в виде поощрения или наказания, следует называть властью (*autorità*). Власть упорядочивает и организует общественную жизнь, устанавливает правила, обеспечивающие безопасность индивидам. Все, что представляет момент спонтанности и консенсуса (*il momento della spontaneità e del consenso*) следует называть свободой (*libertà*)<sup>8</sup>. Спонтанность учитывает возможности индивида действовать в соответствии со своими устремлениями, не по внешнему принуждению. Второй элемент свободы, по Кроче, консенсус (именно “консенсус”, а не “согласие”, как вроде бы нужно перевести слово “consenso”) включает в себя не только способность и готовность договориться, но прежде всего поиск компромисса и терпимость к другим точкам зрения.

Органический характер связи между свободой и государством определяется положением индивида в обществе и его зависимостью от государства и законов. Свобода в общественной системе является противницей власти и уже поэтому не может существовать без нее (“тезис — антитезис”), иначе нечему будет противиться. В свою очередь власть с помощью ограничений подавляет свободу и в силу этого дает ей жизнь, ибо без нее не могла бы существовать, потеряв свою сущность. Свобода и государство сосуществуют не просто потому, что они — стороны противоречия, а потому, что они не могут существовать друг без друга, “прорастают” друг в друга. Тогда в любом государстве власть и свобода действительно являются неразделимыми, существуют всегда вместе, даже если речь идет о крайностях: деспотизме и либерализме. Противоречие между властью и свободой разрешается в праве, следовательно, “да здравствует свобода: по праву”<sup>9</sup>. Таким образом, право можно рассматривать как самый эффективный способ существования свободы в эпоху госу-

---

<sup>7</sup> Рассел Б. История западной философии. URL: <http://psylib.org.ua/books/rassb01/txt58.htm> (дата обращения: 19.02.2020).

<sup>8</sup> См.: Croce B. *Etica e politica*. Roma, 1967. P. 179.

<sup>9</sup> Ibid.

дарства, если смотреть на нее с точки зрения государства или общества. Со стороны индивида реализация свободы в государственной системе выглядит не так радужно, ведь свобода ограничена рамками и заканчивается там, где начинается свобода другого индивида. Чем сложнее социальные связи между людьми, тем большее значение придается их правовому регулированию, тем сложнее и запутаннее система права, тем больше индивид отчуждается от своих прав и, следовательно, свободы.

Но Кроче не мог не обратить внимания на то, что по-настоящему действенной, результативной может быть только свободная деятельность: “Моральный идеал тождествен идеалу свободы, и только свобода может раскрыть лучшие из человеческих сил, вдохновенность душ во всей их несхожести”<sup>10</sup>. Однако человеку мешает утилитаристское понимание свободы через благосостояние, справедливость, равенство, проявляющееся обычно в количественном выражении счастья людей, например, когда в качестве аргумента используют утверждения типа “большинство живет хорошо”. Подчеркивая абсурдность подобных трактовок, Кроче настаивает: «В противовес гедонистической и утилитаристской морали напомним о “героической” морали, которой соответствует возвышение в наслаждении и страдании. Вместо мечты о личном блаженстве у нас остается лишь суровая радость участия — в большей или меньшей степени — в непрерывном творении мира. Исполняющему этот долг, работающему в поте лица приходится день-деньской подбадривать самого себя словами “Вперед! Еще немного!” Мужество перед печальными раздорами, дикими всплесками страстей, перед всем, что мешает любить, надеяться. Мы умирняем боль, страдание становится суровым спутником нашей конечной жизни»<sup>11</sup>. Противопоставляя личное блаженство радости участия в непрерывном творении мира, Кроче фактически подтверждает гегелевскую трактовку реализации человека в государстве, как высшей форме бытия. Героизм не в одноразовом подвиге, а в постоянном самосовершенствовании через страдание. Героическим может стать человек, осознавший собственную универсальность, в конечном счете, свою родовую сущность. «Деятельный, “героический” человек вечно не в ладу с собой; он всегда в поиске иной концепции мира, ибо рядом или внутри него живет другой бедный человек, то и дело возвращающийся к блаженным снам о счастье, противореча самому себе лучшему, он теряет веру, которая его вдохновляла на подвиги»<sup>12</sup>. Тема счастья не

---

<sup>10</sup> Кроче Б. Указ. соч. С. 29.

<sup>11</sup> Там же.

<sup>12</sup> Там же. С. 29–30.

случайно перекликается у Кроче с темой веры, которая может выражать всеобщее стремление к высшему счастью, но сама мечтой о счастье не является. В этом постоянном стремлении к совершенному и абсолютному счастью заключена, по мнению итальянского теоретика, достаточно сильная опора тайны бытия. На все другие вопросы философия отвечает или может ответить, а на вопрос о счастье нет. Но вера, как и церковь, не может обеспечить героическую мораль, потому что в основном нацелена не на деятельность, а на созерцание. “Там, где нет опыта, не рождается проблема, там философии нечего сказать. Тогда, не умея усмирить беспокойную волю, говорят о сверхфилософии, оттуда, из таинственного царства. Такая мечта о блаженстве не в состоянии погасить страх пугающей неизвестности. Даже в воображении она не может примирить и успокоить, как это умеют, например, звуки христианских гимнов и мерцание свечей, прохлада исламского сада с фонтанами, прозрачные ручьи и отрада цветущей зелени”<sup>13</sup>. Правда, исторический опыт свидетельствует, что любая церковь может способствовать продвижению идей и порядков, уводящих людей еще дальше от вождельного счастья. Имея классическое религиозное образование (посещал католический колледж), Кроче считал себя атеистом, возможно, потому что был на стороне итальянского народа, стремившегося к объединению страны, а католическая церковь выступала против объединения итальянских территорий под эгидой светского государства.

Когда процесс объединения страны в 1870 г. завершился, и на карте появилось новое светское государство — Италия, итальянцы не простили католическому духовенству предательства. Папу Пия IX, опиравшегося на поддержку Наполеона III, лишили его владений, оставив только право руководить духовенством, Папская область стала частью объединенного итальянского государства, Рим — его столицей. Оскорбленный папа со сторонниками закрылись в Ватиканском дворце, заявив, что ни сам папа, ни его преемники никогда из него не выйдут, за что получил прозвище “ватиканский узник”. Католическая церковь как субъект политической деятельности потерпела поражение, потому что ее политика не соответствовала настроениям паствы, у которой вера в бога осталась, но уже не было прежнего доверия папе как политическому и духовному лидеру. Так называемый “римский вопрос”, связанный с неопределенностью взаимного положения католической церкви и Итальянского королевства, повис в воздухе. Сама католическая церковь пережила коммуникационный кризис, а известное всем государство Ватикан появилось на карте только в 1929 г. после подписания Латеранских

---

<sup>13</sup> Кроче Б. Указ. соч. С. 30.

соглашений. “Ради обеспечения абсолютной и явной независимости Святого Престола, надлежит гарантировать ему непререкаемый суверенитет и в области международного права, для чего признано необходимым образовать путем особых формальностей Град Ватикан, признав за Святым Престолом полную собственность и исключительную и абсолютную власть и суверенную юрисдикцию над ним”<sup>14</sup>. От имени папы Римского конкордат подписал кардинал П. Гаспарри, от имени короля Виктора-Эммануила II — Б. Муссолини.

Соглашательская политика папы Пия XI по отношению к фашистскому режиму, пусть и во имя благих целей, окончательно отвернула “светского папу” Кроче от церкви. Сам философ находился в моральной оппозиции Муссолини, называя его режим властью ослов — онагрократией, даже навсегда поссорился со своим другом и соратником по неогегельянству Дж. Джентиле, но история интеллектуального противостояния либерала Кроче и фашиста Муссолини требует отдельного анализа.

Крочеанская идея взаимопроникновения государства и свободы нашла свое завершение в Конституции Итальянской Республики, которая не только закрепила положение Италии как “демократической республики, основанной на труде”<sup>15</sup>, но и зафиксировала в ст. 3, что задачей Республики является “устранение препятствий экономического и социального порядка, ограничивающих факт свободы и равенства граждан, мешающих полному развитию человеческой личности и эффективному участию всех трудящихся в политической, экономической и социальной организации страны”<sup>16</sup>. Иными словами, государство гарантировало своим гражданам свободу и равенство перед законом.

Конституция Итальянской Республики вступила в силу 1 января 1948 г., ознаменовав начало новой страницы в истории страны. Позади остались Первая и Вторая мировые войны, опыт противостояния фашистскому режиму в первые годы его существования, опыт движения Сопротивления и свержение фашистского режима, трудный период организации общенационального референдума по вопросу о выборе формы правления. Впереди — создание нового, демократического порядка. “И все мы живем и работаем в эти годы так, как будто потрясение неизбежно. В нефункциональных обществах их различные части вместо того, чтобы объединяться для достижения одной цели, разъединяются, вместо того, чтобы стать

---

<sup>14</sup> Договор между Святым Престолом и Италией. URL: <https://vaticanstate.ru/lateranskie-soglasheniya/> (дата обращения: 19.02.2020).

<sup>15</sup> Quarant'anni della Costituzione Italiana. Roma, 1988. P. 1.

<sup>16</sup> Ibid. P. 2.



гармонией, сталкиваются друг с другом, распадаются и снова сочленяются другим образом, и из этой игры соединения и разъединения рождается по желанию или вопреки ему новый организм — класс людей культуры, со своими собственными чертами, с претензиями быть руководителями или формирователями сознания, политическими воспитателями или прямо главными действующими лицами истории”<sup>17</sup>.

Как это ни странно, одной из главных проблем в послевоенной Италии было, с одной стороны, преодоление изолированности интеллигенции от общества, так как интеллектуалы превращались в идеологов, которых никто не слушает, а с другой стороны, требовались интеллектуалы с новым мышлением. Интеллектуал несет ответственность за происходящее в его стране, поскольку он в той же мере является порождением исторических условий, как и все другие явления. “Всякое общество располагает интеллектуалами, которые ему соответствуют, и если общество переживает конвульсии, является отсталым или больным, они не могут этого не ощущать. Чем больше общество отстало, тем больше интеллектуалы становятся риториками, абстрактными идеологами, техническими специалистами, вызывающими презрение, восхваляющими созерцательное знание, гордящиеся своей бесполезностью. В отсталых обществах, как известно, расцветают социальные утопии”<sup>18</sup>, — так оценивал Н. Боббио роль интеллигенции в общественных системах.

Боббио намеренно использовал не понятие “интеллигенция”, а термин “интеллектуалы”, поскольку последний позволяет, на его взгляд, избежать как расширительного толкования интеллигенции как социального слоя людей, занятых умственным трудом, так и узкого ее определения как группы выдающихся мыслителей.

Как во всех резко изменяющихся системах, в постфашистской Италии вставал вопрос об ответственности за сотрудничество с режимом Муссолини. Выступая против трактовки интеллектуалов как нечестных пособников существующего режима, Боббио назвал ее банальностью и подчеркнул, что наряду с верными приспешниками существующей общественной системы именно в среде интеллигенции появляются инакомыслящие, а в странах с “манипулируемым и принудительным согласием инакомыслящими являются интеллектуалы”<sup>19</sup>. В обществе культура всегда должна быть немного вне политического режима, относительно самостоятельной. Необходимым условием для поддержания независимости интеллектуалов от

---

<sup>17</sup> *Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1977. P. 125.*

<sup>18</sup> *Ibid. P. 130.*

<sup>19</sup> *Ibid. P. 65.*

политической власти является демократическая организация общества или, как ее называет знаменитый интеллектуал, относительно свободное общество.

Норберто Боббио, юрист по образованию, специалист в области философии права и социальной философии, влиятельный европейский интеллектуал второй половины XX в., знал, о чем говорит. Переживший фашистскую диктатуру, на собственной шкуре испытывавший “прелести” арестов и преследований по политическим мотивам, вынужденный присягать фашистскому режиму, чтобы иметь возможность работать в университете, участник Сопротивления, Боббио лучше многих понимал значение демократии для свободного развития человека.

Связывая идею демократического государства с либеральной традицией, итальянский теоретик полагал, что в современных условиях демократия является практически единственной формой социальной организации, в которой могут быть реализованы права индивида, а значит, и его свобода. “Демократия является преимущественно правительством закона”<sup>20</sup>. На первый взгляд, мы имеем дело с той же гегелевской схемой, в соответствии с которой свобода индивида может реализоваться только в государстве, поскольку право является одним из признаков государства. Но в гегелевской системе взаимоотношений индивида и государства, индивид вторичен, да и на вершину развития государственных систем великий немецкий философ поместил устраивающую его монархию, но не народовластие. Боббио же волнуют перспективы развития демократии. Демократическое общество представляет собой динамичную структуру, в то время как деспотизм всегда статичен и равен самому себе. И хотя преимущества демократической организации жизни, вроде бы, очевидны, “нигде в мире она не обладает превосходным здоровьем, и, между прочим, никогда не обладала им также и в прошлом; но она не стоит на краю могилы”<sup>21</sup>. Кроме демократии свободу индивида провозглашает либеральная теория государства. Но либеральное государство, по мнению Боббио, не является обязательно демократическим: более того, оно возникает в обществе, где участие в политической жизни существенно ограничено и является прерогативой имущих классов. Точно так же демократическое государство не ведет necessarily к либеральному государству. Но оба типа имеют черты, создающие основу для объединения. Прежде всего, в вопросе о правах индивида. В государстве, основанном на

---

<sup>20</sup> Bobbio N. *Il futuro della democrazia: Una difesa delle regole del gioco*. Torino, 1971. P. 170.

<sup>21</sup> Ibid. P. VII.

праве, свобода индивида гарантирована законодательно, а правовое государство может быть как либеральным, так и демократическим. “Пора добавить, что для либерального мышления индивидуальная свобода гарантирована; более того, гарантирована конституционными механизмами правового государства, а также тем фактом, что в правовом государстве признаются определенные обязанности по поддержанию внутреннего и международного порядка”<sup>22</sup>. Для либерала главная цель — отдельная личность, индивидуальность, даже если развитие более богатого человека может привести к деградации бедняков и менее обеспеченных людей. Это один из самых больших и труднопреодолимых недостатков современного общества — неравномерность в развитии отдельных людей. Но даже такой несовершенный либерализм, по мнению Боббио, лучше эгалитаризма, который провозглашает развитие общества в совокупности, даже в ущерб развитию отдельных людей. “Единственной формой равенства, которая не только сравнима со свободой, вытекающей из либеральной доктрины, но представляющей собой дополнительное требование к ней, является равенство в свободе: **это означает, что каждый должен получить такую свободу, которая сравнима со свободой других, и может делать все, что не ущемляет такую же свободу других**”<sup>23</sup>. Похоже, что Боббио решил дополнить гегелевскую трактовку свободы высшим нравственным законом И. Канта — категорическим императивом: “...поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству”<sup>24</sup>.

Демократический режим может создать условия, при которых равенство в свободе будет гарантировано. Речь идет о своеобразных правилах игры, “которые обеспечивают самое широкое и самое подлинное участие большинства граждан в принятии политических решений, как в прямой, так и в опосредованной форме, которые затрагивают интересы всего общества”<sup>25</sup>. Этих правил игры шесть и они включают следующие требования:

– все граждане по достижении определенного возраста должны иметь политические права, например, право путем голосования выразить свое мнение или выбрать тех, кто его выражает;

---

<sup>22</sup> Bobbio N. Op. cit. P. 31.

<sup>23</sup> Bobbio N. Liberalismo e democrazia // Il pensiero politico contemporaneo. Milano, 1985. Vol. 1. P. 43.

<sup>24</sup> Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 270.

<sup>25</sup> Bobbio N. Quale socialismo? Discussione di un'alternativa. Torino, 1976. P. 42.

- голоса всех граждан должны иметь равную ценность;
- все граждане должны иметь свободу голосовать соответственно своим убеждениям;
- граждане должны иметь реальную возможность выбора;
- при принятии решений и для избрания представителей нужно использовать принцип численного большинства;
- права меньшинства должны быть гарантированы, особенно его право при иных условиях стать большинством<sup>26</sup>. Соблюдение этих правил позволило бы, по мнению Боббио, обеспечить свободное развитие любого индивида и любого государства, но человечество все еще не сталкивалось с общественной системой, которая бы обладала таким набором важных для свободного развития индивида и государства качеств и характеристик.

Становлению подлинно свободных государств мешают, как считал Боббио, четыре так называемых “парадокса демократии”:

- размеры современных государств. Большая территория затрудняет волеизъявление граждан и в этих условиях можно использовать лишь форму представительной демократии. Представительная демократия в современных условиях может быть появлением отчуждения основной массы граждан от принятия политических решений, напрямую затрагивающих их интересы;

- усиление бюрократизма и рост бюрократии. Бюрократизация — это не просто процесс управления организацией или обществом, основанный на исполнении предписаний и инструкций. Это система, при которой происходит замена “универсальных” людей узкими специалистами, которые не видят взаимосвязи между различными направлениями деятельности организации и не могут справиться с противоречием между конечной целью организации и средствами достижения. Цели организации становятся вторичными, на первый план выходит имитация деятельности. Таким образом, неконтролируемый рост бюрократии является тормозом для свободного развития общества и индивида;

- “искушение” технократии. Научно-техническая революция середины XX в. породила иллюзию, что любую систему, даже общественную, можно грамотно организовать, если сделать правильные расчеты. Однако существенное отличие функционирования социальных систем в виде статистических закономерностей не позволило применять чисто инженерные решения в управлении обществом, хотя попытки использовать технократические методы управления периодически совершаются;

---

<sup>26</sup> См.: *Bobbio N. Quale socialismo?..* P. 42–43.



– противоречие между демократией и массовым обществом<sup>27</sup>. Массовое общество явилось результатом промышленной революции и урбанизации. Человек в новых условиях теряет индивидуальность и превращается в человека массы. «Человек массы — это тот, кто не ощущает в себе никакого особого дара или отличия от всех, хорошего или дурного, кто чувствует, что он — “точь-в-точь, как все остальные”, и притом нисколько этим не огорчен, наоборот, счастлив чувствовать себя таким же, как все»<sup>28</sup> — писал Х. Ортега-и-Гассет о новом человеке. Усреднение человеческих качеств и потребностей способствует понижению общего культурного фона, тем самым сдерживает развитие общества. С. Московичи прямо указывал на то, что усредненный человек массы обладает характеристиками, самыми худшими в социальной общности людей, массовое общество ведет индивидуальность к деградации<sup>29</sup>.

Демократия стремится к развитию индивидуальности, а массовое общество — к усреднению, уравниванию составляющих его людей.

Последний парадокс демократии, по мнению Боббио, сводит на нет возможность реализации в современном мире идеи равенства человека в свободе с помощью установленных общественной системой правил.

Распад Советского Союза в конце XX в., который был на протяжении нескольких десятилетий “раздражителем” Запада, заставлявшим буржуазный мир решать социальные проблемы, способствовал появлению кризиса в оценке демократических порядков, поскольку сами по себе внешние “правила игры” человека свободным не делают. В этой ситуации логичным было обращение к роли личности в отношении человека к свободе.

Еще в 1989 г. в Генуе был опубликован доклад известного итальянского герменевтика Луиджи Парейсона под названием “Философия свободы”. Специалиста в области толкования и поиска смыслов интересовал вопрос о множественном характере истины, так как всякая личность имеет свои отношения с истиной<sup>30</sup>. По мнению Парейсона, Свобода рождается в борьбе со Злом и вместе с ней рождается Бог: “В незримой и забвенной тьме вдруг зажигается

---

<sup>27</sup> См.: Bobbio N. Quale socialismo?.. P. 46.

<sup>28</sup> Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. URL: [https://www.bookol.ru/nauka\\_obrazovanie/filosofiya/41066/fulltext.htm](https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/filosofiya/41066/fulltext.htm) (дата обращения: 10.12.2019).

<sup>29</sup> См.: Московичи С. Век толп. URL: <https://e-libra.ru/read/165491-vek-tolp.html> (дата обращения: 10.12.2019).

<sup>30</sup> См. подробнее: Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Кн. 4. URL: [http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/reale\\_sapadnaja4/08.aspx](http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/reale_sapadnaja4/08.aspx) (дата обращения: 21.07.2018).

свет: это воля, которая желает утвердиться и которой это удастся. Эта воля — Бог, иначе говоря, свобода, самоутвердившаяся с самым первым актом, имея возможность отрицать саму себя, и, значит, она позитивна и победоносна над отрицанием”<sup>31</sup>. Но истинная и глубокая свобода порождает в человеке чувство неудобства и страха. Ссылаясь на “Легенду о Великом инквизиторе” в романе Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы”<sup>32</sup>, итальянский ученый обращает внимание на то, что свобода Христа, как и свобода злых духов, безгранична, представляется не только непосильной ношей, но невероятно опасным обстоятельством. Свобода как выбор постоянно находится в состоянии согласия или отказа. В этом своем праве она не останавливается даже перед Богом, подвергая его сомнению. Бог в свою очередь, не препятствует этому. “Никто не может всерьез отрицать, что свободное зло лучше, чем ложное добро: ложное добро несет в себе отрицание, поскольку истинное добро — только то, что осуществляется свободно, сохраняя возможность совершения зла, в то время как свободное зло несет в себе возможность исправления, то есть саму свободу, из которой однажды может произойти свободное добро”<sup>33</sup>. Парейсон говорит о том, что вопрос о свободе не может быть решен силами современной философии, так как последняя соотносит в Боге разум и волю. Но на самом деле божественный разум либо от Бога (тогда он отождествляется с Его волей), либо обособлен (тогда это абсолютизированный человеческий разум). А вот для религии воля Бога не подвластна ни разуму, ни случаю, божественная свобода бесконечна.

Применяя герменевтический анализ религиозного опыта на основе Библии, Парейсон обосновывает первое проявление божественной свободы: “Не сотворение, а тот же самый приход свободы, акт, которым первоначальная свобода подтверждает саму себя, полная идентификация Бога и свободы, рождение позитивной свободы, основанной на сотворении”<sup>34</sup>. Противоречивый характер парейсоновского понимания свободы отражается в рассмотрении места человека в системе отношений: Бог, свобода, Ничто, зло. Человек, стремясь возвыситься, в конечном счете, оказывается только способным погибать по своей воле. “Первый акт свободы был актом позитивной свободы в Боге и актом негативной свободы в человеке”<sup>35</sup>. Разрешить

---

<sup>31</sup> Парейсон Л. Философия свободы // Историко-философский альманах / Отв. ред. В.В. Васильев. Вып. 3. М., 2010. С. 372–373.

<sup>32</sup> См.: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Т. 1. Тула, 1994. С. 296–314.

<sup>33</sup> Парейсон Л. Указ. соч. С. 368–369.

<sup>34</sup> Там же. С. 370.

<sup>35</sup> Там же. С. 375.

возникшее противоречие возможно через страдание: велика сила зла, но сила скорби выше.

Но страдание, по мнению Парейсона, в современных условиях не должно быть внешним наказанием, ибо тогда зло будет порождать новое зло. Страдание как искупление, потому что в искуплении страдание, с одной стороны, мучительнее, а с другой — может привести к светлой радости. “Здесь со всей силой вмешивается алгебра страдания: минус на минус дает плюс. Зло плюс страдание — это не увеличение негативности универсума. Это не удвоение, не умножение зла, но его уничтожение”<sup>36</sup>. Пройдя через страдание, человек обретет гармонию собственного существования.

Тема страдания для итальянской философии не является новой, очищение страданием, катарсис, например, есть у Антонио Грамши<sup>37</sup>. Но Парейсон с такой страстностью говорит о необходимости найти новые подходы к пониманию свободы в современных условиях, что стоит задуматься об истинном значении общественных процессов, проходивших не только в последней четверти XX в., но на протяжении всего столетия.

Общество, сложившееся в прошлом веке, — индустриальное и постиндустриальное, техногенное и технотронное, в конце концов, информационное, — в материально-культурном отношении отличалось от всех предшествующих обществ. Прошлый век прошел под знаком острейшей борьбы: борьбы труда и капитала, классов и групп трудящихся с буржуазией. Он сопровождался качественными революционными скачками, общественно-политическими и экономическими переворотами всемирно-исторического значения.

Производственный и материальный, с одной стороны, и социальный, духовно-культурный и нравственный виды прогресса, — с другой, не были в XX в. соразмерными, прежде всего потому, что расколотость мира сопровождалась чудовищным соревнованием двух общественно-политических систем: кто кого? Развитый капиталистический мир был нацелен на технико-технологическое господство и достижение максимальной прибыли, социалистическая система вынуждена была учитывать необходимость затратных социальных и духовно-культурных проектов. При этом опытный и гибкий капитализм сумел приспособиться к новой мировой глобальной ситуации, сумел даже перенять у социализма ряда положительных сторон, прежде всего в области труда, социальной жизни, обеспечения социальных благ трудового населения. Но и в том и другом случае, человек рассматривался не как цель, а как

---

<sup>36</sup> Парейсон Л. Указ. соч. С. 376.

<sup>37</sup> См.: Грамши А. Тюремные тетради. Ч. 1. М., 1991. С. 65.

средство. “Гегельянская трактовка мировой истории как тотального овладения человека историей достигает в национал-социалистическом и сталинском модернизме своей вершины, хотя это и является искажением подлинных намерений Гегеля. Однако оба проекта стоят под знаком наследия Гегеля. Тотальный характер труда этой эпохи проявился в организованных, подобно трудовому процессу, человеческих жертвоприношениях. История человечества не знала другого такого периода вмешательства рационального человека в естественный ход событий. Но выход масс на политическую авансцену, вместо желаемой ими демократии и свободы, привел к установлению персональных диктатур невиданных ранее масштабов. Оказались посрамленными оптимистические знания о природе человека и человеческого”<sup>38</sup>.

Распад Советского Союза, а вместе с ним и разрыв привычных связей и дисбаланс социально-политических сил заставили европейцев искать варианты сохранения собственной культурной идентичности. Нарушение идеологического равновесия как результат падения интереса людей к коммунизму создает ситуацию, при которой только религиозное сознание может стать опорой современному растерянному человеку. Правда, у этого обстоятельства есть и другая сторона: бегство в иллюзорный мир мыслей, в область мнимой свободы.

Как сказал в интервью Джанни Ваттимо, известный итальянский философ, депутат Европарламента: «Мы вообще наблюдаем теперь ослабление “политического отношения” к жизни. Конечно, прежде всего коммунистического отношения, но и демократического тоже. В Италии у нас теперь в моде “аполитичность”, люди не доверяют политикам. Если я в Турине организую политическую конференцию, то соберу там трех-четыре человек. А вот если на какой-нибудь книжной ярмарке организую конференцию по философии, то людей будет много. В массах все еще есть желание соучастия, но в политиков они больше не верят»<sup>39</sup>. В этом отчасти вина современных политиков, сильно отличающихся от поколения антифашистов. Сейчас это люди, работающие за зарплату, менеджеры. Нередко это честные люди, но своей воли, своего понимания у них нет. И боли за происходящее тоже. Большое влияние оказывают СМИ. Масс-медиа принадлежат тому классу, в руках которого сосредоточены деньги. И все СМИ поддерживают псевдодемократическую систему.

---

<sup>38</sup> Михайленко В.И. XX век: короткий век — длинная эпоха. URL: <http://www.roman.by/r-78740/html> (дата обращения: 15.05.2018).

<sup>39</sup> Ваттимо Дж. Коммунисты, выходи! URL: <http://www.novayagazeta.ru/comments/56886.html> (дата обращения: 15.05.2018).



По мнению Ваттимо, на Западе сейчас происходит определенное религиозное оживление. Потому что люди не могут найти смысла своей жизни. Они не знают, на что надеяться, чего ожидать в рамках той системы, в которой работают. И система не так уж хороша. Есть потери веры в будущее, связанные в том числе с утратой альтернативного мышления и потерей многих возможностей для социальной защиты внутри самой системы.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

*Акстон Дж.* История свободы в античности // Политические исследования. 1993. № 3.

*Ваттимо Дж.* Коммунисты, выходи! URL: <http://www.novayagazeta.ru/comments/56886.html>

*Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990.

*Грамини А.* Тюремные тетради. Ч. 1. М., 1991.

Договор между Святым Престолом и Италией. URL: <https://vaticanstate.ru/lateranskie-soglasheniya/>

*Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. Т. 1. Тула, 1994.

*Кроче Б.* Антология сочинений по философии. СПб., 1999.

*Михайленко В.И.* XX век: короткий век — длинная эпоха. URL: <http://www.roman.by/r-78740/html>

*Московичи С.* Век толп. URL: <https://e-libra.ru/read/165491-vek-tolp.html>

*Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. URL: [https://www.bookol.ru/nauka\\_obrazovanie/filosofiya/41066/fulltext.htm](https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/filosofiya/41066/fulltext.htm) (дата обращения: 10.12.2019).

*Парейсон Л.* Философия свободы // Историко-философский альманах / Отв.ред. В.В. Васильев. Вып. 3. М., 2010.

*Рассел Б.* История западной философии. URL: <http://psylib.org.ua/books/rassb01/txt58.htm>

*Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Книга 4. URL: [http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/reale\\_sapadnaja4/08.aspx](http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/reale_sapadnaja4/08.aspx)

## REFERENCES

*Akton Dzh.* Istoriya svobody v antichnosti [The history of freedom in antiquity] // Politicheskie issledovaniya. 1993. N 3 (in Russian)

*Bobbio N.* Il futuro della democrazia: Una difesa delle regole del gioco. Torino, 1971.

*Bobbio N.* Quale socialismo? Discussione di un'alternativa. Torino, 1976.

*Bobbio N.* Gli intellettuali e il potere // Mondoperaio. Roma, 1977. A. 30. N 11.

*Bobbio N.* Politica e cultura. Torino, 1977.

*Bobbio N.* Liberalismo e democrazia // Il pensiero politico contemporaneo. Milano, 1985. Vol. 1.

*Croce B.* Etica e politica. Roma, 1967.

*D'Annunzio G.* Per l'Italia degli italiani. Milano, 1923.

Dogovor mezhdru Svyatym Prestolom i Italiej [Treaty between the Holy See and Italy]. URL: <https://vaticanstate.ru/lateranskie-soglasheniya/> (in Russian)

*Dostoevskij F.M.* Brat'ya Karamazovy [Brothers Karamazov]. T. 1. Tula, 1994 (in Russian).

- Gegel' G. V.F.* Filosofiya prava [Philosophy of law]. M., 1990 (in Russian).
- Gramshi A.* Tyuremnye tetrad [Prison notebooks]. Ch. 1. M., 1991 (in Russian).
- Kroche B.* Antologiya sochinenij po filosofii [Anthology of works on philosophy]. SPb., 1999 (in Russian).
- Mihajlenko V.I.* XX vek: korotkij vek — dlinnaya epoha [XX century: short century — long era]. URL: <http://www.roman.by/r-78740/html> (in Russian)
- Moskovichi S.* Vek tolpa [Century of crowds]. URL: <https://e-libra.ru/read/165491-vek-tolp.html> (in Russian)
- Ortega-i-Gasset H.* Vosstanie mass [Revolt of the masses]. URL: [https://www.bookol.ru/nauka\\_obrazovanie/filosofiya/41066/fulltext.htm](https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/filosofiya/41066/fulltext.htm) (accessed: 10.12.2019) (in Russian).
- Parejson L.* Filosofiya svobody [Philosophy of freedom] // Istoriko-filosofskij al'manah / Otv. red. V.V. Vasil'ev. Vyp. 3. M., 2010 (in Russian).
- Quarant'anni della Costituzione Italiana. Roma, 1988.
- Rassel B.* Istoriya zapadnoj filosofii [History of Western philosophy]. URL: <http://psylib.org.ua/books/rassb01/txt58.htm> (in Russian)
- Reale Dzh., Antiseri D.* Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashih dnei [Western philosophy from its origins to the present day]. Kn. 4. URL: [http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/reale\\_sapadnaja4/08.aspx](http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/reale_sapadnaja4/08.aspx) (in Russian)
- Vattimo Dzh.* Kommunisty, vyhodi! [Communists Come Out!] URL: <http://www.novayagazeta.ru/comments/56886.html> (in Russian)